

Они закончили ужинать, и Син Янь принялся убирать со стола, в то время как Хэ Ци оставался сидеть на стуле, рассеянно глядя на огни города вдаль.

Снизу доносился разговор матери и дочери на балконе, казалось, они тоже только что закончили ужин. Ню-ню следовала за матерью, выходя развешивать бельё, а мать объясняла, как правильно вешать одежду на вешалку. Мокрая одежда была тяжёлой, и девочка случайно уронила её на пол. Сестрица Ван лишь тихо пожурив её, подняла испачканную одежду и снова отнесла под кран, чтобы сполоснуть. Ню-ню радостно следовала за матерью, не отставая ни на шаг, а её пластиковые тапочки звонко стучали по кафельному полу.

Хэ Ци слушал их перепалку, нахлынувшее веселье заставило его улыбнуться. Син Янь как раз вышел из комнаты и, увидев его улыбку, понял, что тот не просто сидел в задумчивости. Хэ Ци заметил, что Син Янь замер у двери, и спросил:

— Что ты там стоишь как вкопанный?

Он подошёл, отодвинул стул и сел напротив, спросив, что же вызвало такую улыбку.

Хэ Ци рассказал, что Ню-ню и её мать внизу переругивались, и девочка оказалась настолько быстрой на язык, что даже мать не смогла её переспорить.

Син Янь насторожился, пытаясь услышать, что происходит внизу, но те двое уже ушли внутрь. Вскоре раздался звук синтезатора, и Хэ Ци от удивления широко раскрыл глаза. Син Янь тоже был поражён и хотел что-то сказать, но Хэ Ци остановил его:

— Подожди, не говори пока.

Он замолчал, внимательно слушая чёткую мелодию, доносящуюся снизу.

— Ню-ню уже умеет играть целую песню! Как ты этого добился? — с восторгом спросил Хэ Ци, когда последний аккорд отзвучал.

— Просто... немного позанимался с ней...

— Когда ты успел? Я же ничего не знал!

— Ну... утром...

— И она научилась за такое короткое время?

— Чуть больше часа.

— Ты гений что ли? — На лице Хэ Ци было не просто удивление, а настоящий шок. — Я живу над ними уже столько времени, ты представляешь, через что я проходил? Ты спас уши всех соседей.

Хэ Ци не считал свои слова преувеличением, ведь так оно и было. Раньше Ню-ню использовала синтезатор как средство для выплёска эмоций или игрушку, которую никак не могла освоить. Она беспорядочно била по клавишам, и удивительно, что дешёвый инструмент до сих пор не сломался. А Син Янь всего за час научил её играть мелодию «Маленькой звёздочки», которая раньше была настоящим испытанием для слуха. Теперь, по крайней мере, Хэ Ци больше не будет страдать от резких звуков.

Син Янь скромно сказал, что не так уж много сделал. Он не учил её правильной постановке

рук, клавишам или нотам. Нью-нью сама справилась благодаря своей сообразительности, да и мелодия была несложной.

Хэ Ци в шутку предложил:

— Можешь стать учителем фортепиано в будущем, если не вернёшься к карьере пианиста. Ты симпатичный, точно понравишься родителям учеников.

Син Янь улынулся, но его глаза потускнели, и атмосфера стала немного напряжённой. Хэ Ци неловко отвел взгляд, заметив небольшую лужу на полу, и, словно случайно, спросил:

— После того как я заснул днём, шёл дождь?

— Нет. А что?

— Мне показалось, я слышал дождь во сне.

— Наверное, это был сон.

— Наверное.

Едва он произнёс это, как капля размером с горошину упала с высоты прямо на лоб Хэ Ци. Он с недоумением потрогал лоб, решив, что это какая-то слепая птица устроила ему неприятность, и уже собирался разразиться руганью, когда последовавшие капли начали падать на стол между ними.

Син Янь первым сообразил, что нужно убирать стол, а Хэ Ци всё ещё тёр лоб, недоумевая. Дождь хлынул с неба безжалостно, хотя всего пару минут назад было ясно. Теперь они оба рисковали промокнуть до нитки.

Син Янь схватил замешкавшегося Хэ Ци и потащил внутрь, укрывшись в комнате, они стряхнули капли с головы и одежды. Снаружи лил дождь, и они стояли у двери, глядя на непрерывную завесу воды, словно путники, укрывшиеся в древнем храме, чтобы переждать непогоду. В этой суматохе встретились под крышей, и в воздухе витала лёгкая романтика. Хотя это была лишь фантазия Син Яня.

Дождь начался резко, но так же быстро и закончился, лишь слегка смочив землю, что удивило обоих, стоявших у двери.

— Дождь закончился.

— Да.

— Как быстро.

— ...

— Давай уберём стол, — предложил Хэ Ци.

Раз это было его предложение, обязанность убрать стол легла на Син Яня. В конце концов, он был высоким и крепким, набравшим в последнее время немало веса, и Хэ Ци не мог с ним сравниться в силе.

Син Янь поставил два стула на стол, чтобы перенести их вместе, но, обернувшись, не увидел Хэ

Ци у двери. Он занёс стол внутрь, а Хэ Ци стоял у окна, разговаривая по телефону на своём родном диалекте, которого Син Янь не понимал.

Он поставил стол в дальнем углу, вытер его тряпкой, но глаза то и дело блуждали в сторону Хэ Ци.

Тот всё время стоял спиной к нему. Это было необычно.

Хэ Ци продолжал говорить по телефону ещё полчаса, и Син Янь понял, что это не коллега или друг. Возможно, это был старый одноклассник, школьный или институтский приятель, с которым давно не общались. Или родственники. Но за последний месяц Хэ Ци ни разу не звонил домой. На самом деле, он редко звонил кому-либо. В этом городе он был одинок, как оазис в пустыне.

Его речь была нечёткой, с сильным носовым акцентом и почти без шипящих звуков. Из-за низкого и мягкого тона она звучала почти как лепет. Если бы Син Янь немного разобрался в диалектах, он бы понял, что Хэ Ци говорил на южном наречии. Оно относилось к той же языковой группе, что и кантонский, но было совершенно непохожим. Его понимали лишь в нескольких соседних деревнях, и это был почти исчезнувший язык.

Син Янь застелил свою кровать, а Хэ Ци всё ещё говорил по телефону. Он выглядел счастливым, улыбался, и его интонации были протяжными, словно он кого-то успокаивал. Син Янь сел на кровать напротив него, скрестив руки на коленях, и в его груди поселилось смутное предчувствие. Ему было не по себе. Возможно, из-за того, что Хэ Ци так долго говорил по телефону, или из-за содержания разговора, которое оставалось для него загадкой. Но он считал, что не имел права ревновать.

Син Янь опустил глаза, пытаясь понять, что за чувство охватило его. Грудь сжималась от нарастающей горечи и тяжести, и он ощущал давно забытое отчуждение. В этой комнате он чувствовал себя льдиной, отрывающейся от Антарктиды.

Одиночество. Он наконец нашёл объяснение своему состоянию.

Хэ Ци, закончив разговор, поднял голову и увидел, что Син Янь мрачно смотрит в пол.

— Что с тобой? — спросил он, решив, что тот, возможно, плохо себя чувствует.

Син Янь поднял глаза и, стараясь казаться спокойным, спросил:

— С кем ты разговаривал?

Хэ Ци бросил телефон на подушку и лёг на кровать, устало ответив:

— С отцом.

Услышав это, Син Янь почувствовал, как тяжесть в груди исчезла:

— Я ничего не понял из того, что ты говорил. О чём вы говорили?

— Ну... — Хэ Ци задумался. Вспомнив разговор, он понял, что это были обычные семейные темы, а в конце он поговорил с младшей сестрой и повесил трубку. Ах да... — Отец сказал, чтобы я вернулся домой и сдал экзамен на госслужбу, — вдруг вспомнил он, резко поднявшись с кровати и глядя на Син Яня.

Услышав слово «домой», Син Янь внутренне сжался, замер.

— Ты... вернёшься?

<http://bllate.org/book/16327/1473975>